

УДК 94(48).01/021

ИСЛАНДИЯ ЭПОХИ НАРОДОВЛАСТИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЛИБЕРТАРИАНСКОМ ДИСКУРСЕ

И. Ю. Философов

Саратовский государственный университет
E-mail: ifilosofov@gmail.com

Данная статья представляет собой обзор взглядов на общество Исландии периода народовластия, существующих в современной либертарианской исследовательской литературе. Основная задача – познакомиться с аргументацией и методологией либертарианских исследователей, понять, какое место занимает средневековая Исландия в либертарианском дискурсе.

Ключевые слова: Исландия, либертарианство, народовластие, минархизм, анархо-капитализм, экономическая теория.

Medieval Icelandic Commonwealth in the Modern Libertarian Discourse

I. Y. Filosofov

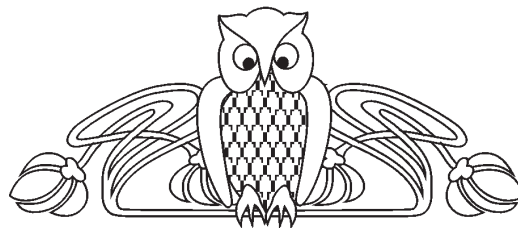
The current article is an attempt of analysis of the image of medieval Icelandic society in the modern libertarian literature. The main aim is to emphasize the main positions of libertarian political philosophy on the subject of Icelandic commonwealth and observe the methodology of libertarian authors, as well as find out what place Medieval Iceland takes in libertarian discourse.

Key words: Iceland, libertarianism, commonwealth, minarchism, free-market anarchism, economic theory.

Однозначный, эмоционально нейтральный язык является необходимым инструментом научного познания и одновременно самым адекватным способом трансляции его результатов. В свою очередь, своеобразный скелет этого языка составляют слова, входящие в терминологический аппарат.

Одна из главных задач терминологии – конвенциональное, то есть возникшее в результате договора в научном сообществе, наименование изучаемых явлений. Однако в исторической науке исследователь зачастую отделён от предмета исследования хронологической пропастью. Наблюдательно-гуманитарно в условиях недостатка данных сложно зачастую удержаться от переноса собственных представлений об общественных механизмах на изучаемую им эпоху.

Примерно такая ситуация, на мой взгляд, складывается в дискуссиях о государственном и общественном устройстве средневековой Исландии. В период между 930 и 1262 гг. на территории Исландии сложилась уникальная для средневековой Европы система управления и регулирования права. Эту систему традиционно именуют «республикой», «свободным государством», «содружеством» (*commonwealth*) или «народовластием»

(*þjóðveldi*), однако спор о дефинициях, о том, чем же именно являлась Исландия той эпохи, далеко не окончен. И спор этот ведется не только в рамках исторической науки.

Во второй половине XX и начале XXI в. Исландия эпохи народовластия привлекла внимание ученых – главным образом философов, экономистов и правоведов – носителей либертарианских взглядов.

В основе политической философии либертарианства лежит запрет на применение агрессивного насилия против личности и частной собственности человека. Государство в рамках либертарианской парадигмы воспринимается как несомненный проводник подобной политики. Как пишет М. Ротбард, «либертарианцы рассматривают государство как высшего, вечного, наилучшим образом организованного агрессора против личности и собственности людей»¹. Следовательно, необходимо либо свести вмешательство государства в жизнь граждан к минимуму (минархизм, представленный в трудах Л. фон Мизеса, Ф. фон Хайека, М. Фридмана, аналогичной позиции придерживалась писательница Айн Рэнд и др.), либо вообще отказаться от государства как такового (анархо-капитализм М. Ротбарда, Р. Лонга, Д. Фридмана, Г. де Молилари).

С самого момента появления либертарианства как общественно-политического течения одним из аргументов их противников была принципиальная невозможность создания описываемого либертарианцами типа общества. Либертарианцам необходимо было найти исторический пример, который мог бы послужить и контраргументом в полемике, и – вероятно – образцом для построения моделей развития.

Возможно, первым об исландской «анархии» в XX столетии заговорил выдающийся американский экономист, норвежец по происхождению и основатель институциональной школы Т. Б. Веблен. Веблен не был либертарианцем², однако в своей работе 1917 г. «An Inquiry into the Nature of Peace and the Terms of Its Perpetuation» он говорит о средневековой Исландии как о «республике непокорных граждан» (*insubordinate citizens*), о неприятии ими феодального государства и его репрессивной машины, а также об отсутствии необходимости в государственной защите. Экономист, впрочем, полагает, что в конечном итоге из-за систематических злоупотреблений исландская система оказалась в положении «глиняного горшка среди стальных котлов»³ и проиграла историческую конкуренцию⁴.

Сконструированный Вебленом смысл, однако, не получал развития вплоть до 70-х гг. XX в. В это время выходят две работы Дэвида Фридмана – в 1973 г. появляется книга «The Machinery of Freedom», а в 1979 – статья «Private Creation and Enforcement of Law: AN historical Case».

Фридман характеризует средневековую Исландию как страну с уникальными особенностями, «будто придуманными сумасшедшим экономистом с целью выяснить, насколько рыночные механизмы могут замещать функции государства»⁵. Главные темы, которые затрагивает исследователь, – источники и функции власти и судебная система.

В «The Machinery of Freedom» поднимается вопрос о системе годорда (*godord*) как фундаменте исландской системы управления. Пользуясь термином *chieftain*, «вождь», как синонимом слова *goði*, он, однако, подчеркивает, что власть годи (изначально бывших, как полагает ряд ученых, языческими жрецами⁶) на протяжении большей части истории исландского народовластия не была сакральной. Годорд в оценке Фридмана – это набор прав, связанных с титулом годи; при этом годорд может быть продан, подарен, одолжен или передан по наследству (*marketable commodity*), то есть является объектом частной собственности.

Фридман отдельно обращает внимание на то, что группа тингменов, связанная с определенным годи, также именуется годордом. Отличие власти годи от власти феодального лорда, таким образом, заключается еще и в том, что власть годи не существует без поддержки отдельных собственников. Каждый человек в Исландии имел право заключить «общественный договор» с любым годи в любой момент – то есть, с точки зрения либертарианской философии, между годи существовала честная конкуренция⁷. Это положение Фридмана было поддержано в 1990 г. исландским экономистом Т. Эггертссоном в книге «Экономическое поведение и институты». «Политическая арена во времена раннего исландского народовластия, – пишет Эггертссон, – представляла собой конкурентный рынок с 35 компаниями-игроками примерно равной силы»⁸.

Годи выступает связующим звеном между тингменами и судебной системой – главной ветвью власти в средневековой Исландии, которая также находится в фокусе внимания автора.

Статья ««Private Creation and Enforcement of Law: AN historical Case» посвящена проблеме поддержания правопорядка в обществе, где функции государства минимальны. Автора интересуют тяжкие преступления и порядок исполнения наказаний, существовавший в средневековом исландском социуме. Д. Фридман опирается на статью Г. Бэкера и Дж. Стиглера «Law Enforcement, Malfeasance, and Compensation of Enforcers»⁹. Бэкер и Стиглер моделируют систему, в которой поймавший преступника получает от пострадавших деньги, удержанные у самого преступника.

Исландский пример Фридман использует как подтверждение работоспособности такой системы.

Историческое воплощение предлагаемых Бэкером и Стиглером принципов Фридман видит в существовавшей на острове в эпоху народовластия правовой практике. Судебная власть (представленная в Исландии четырех-, а впоследствии и пятиступенчатой системой судов) не исполняла наказания; она лишь оглашала приговоры, согласно принятым и оглашенным на альтинге законам. В условиях фактического отсутствия исполнительной власти и правоохранительных органов, преимущественное право на судебное преследование нарушителя¹⁰ передавалось пострадавшему (или родственникам жертвы). Однако оно могло быть передано или продано другому человеку, как это, например, описано в «Саге о Ньяле»: *Кончилось тем, что Гишур взял это на себя. Он предъявил иск со Скалы Закона и сказал так:*

– Я обвиняю Гуннара, сына Хамунда, в том, что он незаконно первым напал на Торгейра, сына Откеля, и нанес ему глубокую рану, от которой Торгейр умер. Я утверждаю, что за это он должен быть объявлен вне закона и никто не должен давать ему пищу, указывать путь и оказывать какую-нибудь помощь. Из его имущества половина причитается мне, а другая половина – тем людям из четверти, которые имеют право на добро объявленного вне закона»¹¹.

С одной стороны, по мнению Фридмана, возможность распоряжаться своим правом как товаром обеспечивала защиту людям, не имеющим достаточного количества ресурсов и опыта, чтобы вести тяжбы, с другой стороны, способствовала снижению социальной напряженности и ограничивала применение насилия – стороны вынуждены были оценивать финансовый риск, связанный с неизбежной выплатой вергельда¹².

Фридман отмечает, что, с одной стороны, исландское общество могло производить¹³ «эффективный закон» (*efficient law*), то есть регулировать внутренние отношения в рамках гражданского, а не уголовного законодательства, с помощью рыночных механизмов с минимальными издержками, а с другой – максимально сузило сферу применения агрессивного насилия. Он приводит данные Эйнара Оулавюра Свейнссона, согласно которым за всю эпоху Стурлунгов (1208–1260), считающуюся наиболее кровавым периодом в истории страны, насильственной смертью умерли около 350 человек – при населении в 70 тысяч. Число других насильственных преступлений, совершаемых на острове (изнасилований, пыток), также было крайне малым¹⁴.

Интересно отметить, что Фридман уделяет немалое внимание возможности применения исландского опыта на практике, в современном правовом регулировании. В указанной статье ученый, по сути, предлагает транспонировать исландскую систему на современное общество. Первый шаг на этом пути, по Фридману, есть

перевод всех уголовных преступлений в разряд гражданских с установленным размером выплат, второй шаг – превращение права на публичное судебное преследование в свободно покупаемую услугу. В тех случаях, если преступник неспособен выплатить потерпевшему необходимую сумму, в качестве наказания можно использовать некое подобие долгового рабства (*thralldom*).

Будучи внедрена в предложенном виде, эта исландская система, по мысли Фридмана, вызовет еще одно важнейшее изменение – частные правоохранительные компании, профессиональные «ловцы воров» (*thief-takers*) со временем вытеснят государственную полицию как менее эффективный институт.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. вышло несколько работ, подкрепивших ряд утверждений Фридмана и ставших отправной точкой для дальнейших дискуссий. С одной стороны, это фундаментальный труд историка Дж. Л. Байока «Средневековая Исландия: общество, саги и власть», где тщательно исследуются границы власти гоði и взаимоотношения их с бондами в рамках годорда. С другой – работы исландских экономистов, уже упоминавшегося Т. Эггертссона и Биргира Рунольфссона Солвасона, в 1991 г. защитившего диссертацию под названием «Ordered Anarchy, State and Rent-Seeking: The Icelandic Commonwealth, 930–1262»¹⁵. В последующих обсуждениях либертарианские авторы опираются не только на позицию Фридмана, но и на данные этих исследований.

В 2002 г. увидела свет статья «Living on the Moon» Дж. Даймонда, автора нашумевшей книги «Ружья, микробы и сталь». Даймонд, рецензирующий труды Дж. Л. Байока и Гуннара Карлссона, рисует картину средневековой Исландии как страны, где «не было бюрократии, налогов, полиции и армии... части функций государства просто не существовало, а другая часть была приватизирована». Однако то, что Исландия пошла по пути приватизации «дальше, чем администрация Рейгана в самых смелых мечтах»¹⁶, автор расценивает исключительно негативно¹⁷. В антигосударственной политике Даймонд видит причину и начала гражданской войны в эпоху Стурлунгов, и утраты Исландией независимости. Автор активно высказывается и против применения исландского опыта в современном обществе, выступая оппонентом Д. Фридмана. «The American Prospect» даже назвала статью Даймонда «отличным подспорьем всем, кто выступает против приватизации и снижения роли государства»¹⁸.

На заявлении Даймонда, однако, последовал ответ со стороны одного из главных теоретиков анархо-капитализма, Р. Т. Лонга. В статье с характерным названием «Privatization, Viking Style: Model or Misfortune», Лонг последовательно опровергает доводы своего оппонента. Он говорит об Исландии как о «свободном государстве», социальном эксперименте, который трудно не признать успешным.

Лонг видит положительные черты именно там, где Даймонд усматривает отрицательные. Так, ситуация, когда вокруг усадьбы гоði образуется лоскутное одеяло владений, часть которых принадлежит его последователям, а часть – сторонникам других гоði, у Даймонда описывается как «рецепт хаоса», провоцирующий распри; Лонг же видит в ней противовес, не дающий отдельным властителям чрезмерно усилиться. Он указывает, что деление на нетерриториальные альянсы и отсутствие привязки правового режима к территории, напротив, снижали накал конфликтов.

Именно поэтому главной причиной упадка исландского народовластия Р. Т. Лонг считает не те принципы, которые были положены в его основу, не географические и природные факторы¹⁹, а появление территориального налогообложения в виде церковной десятины. «Юрисдикция гоði не была связана с территорией, – пишет Лонг, – вожди, стремящиеся к возвышению, погнавшиеся за роскошью или требующие слишком большую плату за свои услуги, теряли сторонников. Но десятина была привязана к региону: каждый живущий в окрестностях церкви обязан был жертвовать именно на неё, и ни на какую другую»²⁰. Ловушка, по мнению исследователя, заключалась в том, что теперь с титулом гоði, остававшимся предметом торга, можно было купить церковь и собирать территориальный налог.

Доход больше не зависел от репутации, качества «услуг» (т. е. военной и судебной защиты, представления интересов в альтингге etc.) и степени довольства приобретателей этих услуг (бондов, тингменов), но только от богатства конкретных *stadhir*– церковных округов. Аккумуляцию влияния отдельными родами стало невозможно контролировать, и, вероятно, даже договор с норвежским королем выглядел меньшим злом. Исландцы воспринимали правителя Норвегии лишь как еще одного регионального вождя, причем более богатого и менее жадного до налогов (что, однако, не оправдалось), чем представители пяти местных семейств.

Таким образом, свободное государство Исландия, по версии Лонга, утратило независимость не из-за гиперприватизации, а из-за отказа от неё. Свободный рынок товаров и услуг, существовавший в Исландии до распространения церковной десятины, оценивается ученым намного позитивнее, чем «карманные», контролируемые рынки, сложившиеся в результате деятельности влиятельных родов. В либертарианской трактовке Лонга, именно те области, в которых приватизация достигла наибольших успехов, удерживали на плаву средневековую Исландию в течение более чем трех столетий.

Для Р. Т. Лонга Исландия эпохи народовластия является образцом общества, близкого к анархо-капиталистической модели. Чтобы проиллюстрировать потенциальную привлекательность, стабильность и безопасность такого общества, он сравнивает положение в средневековой Исландии

с тем, что происходило в то же время в Англии и Норвегии – разумеется, не в пользу последних.

Схожие взгляды высказывает и Т. Уистон, опубликовавший в *Mises Daily* – веб-журнале австрийского Института Людвиг фон Мизеса – статью под названием «*Medieval Iceland and The Absence of Government*»²¹. Повторяя в целом положения, сформулированные Фридманом и Лонгом, он заключает, что средневековая Исландия по сути являлась безгосударственным обществом, где «людей избирают сообразно их компетентности... они не обязаны обладать статусом, деньгами, властью, как настаивают сторонники жесткого госрегулирования... единственным же королем является потребитель».

Из исследований последнего времени внимания заслуживает работа «*Discovering Law: Hayekian Competition in Medieval Iceland*», опубликованная в 2012 г. К. Б. Керекеш и К. Д. Уильямсон²². Эта статья – опыт применения к средневековой Исландии теории конкуренции, разработанной лауреатом Нобелевской премии по экономике Ф. фон Хайеком.

Исландский подход к «производству» законов они трактуют через призму хайекианской философии. Источник общественного порядка, согласно фон Хайеку, «лежит не в сознательном решении людей принять некие общие правила, а в существующих у них представлениях о том, что хорошо и что плохо. Общество как целое возникло не потому, что кто-то сознательно навязал людям кодекс справедливости, а потому, что в сознании людей сложилась определенная система правил»²³. Фон Хайек полагал, что конкуренция сама устанавливает порядок и создает равновесие рынка, а побеждает в конкурентной борьбе тот, кто сумел уловить рассеянное в обществе знание и создать на его основе нечто новое. Именно поэтому он называет конкуренцию процедурой открытия.

По мнению Керекеш и Уильямсон, закон, проистекающий из пресловутых понятий о том, что хорошо и что плохо, возможно постигать через такую же процедуру открытия. Исландский материал используется ими для иллюстрации этого положения.

Годи продаёт своим последователям услуги арбитра, защитника и правоохранителя. Он также заседает в альтинге. Чтобы справляться с этими обязанностями, годи должен обладать представлениями о том, что такое закон – то есть улавливать неявное знание (*tacit knowledge*) и применять его при принятии решений. Наиболее уважаемые и популярные годи также легко приспосабливались к меняющимся обстоятельствам, как приспосабливаются к изменяющимся экономическим условиям успешные рыночные игроки.

Таким образом, средневековая Исландия с фактическим равноправием всех групп свободнорождённого населения, крайней децентрализацией, распределенной исполнительной властью в либертарианском дискурсе предстает конкретным

историческим примером существования саморегулирующегося и де-факто безгосударственного общества. При этом практическая составляющая либертарианской философии допускает возможность использования исландского опыта в социальном строительстве.

Несмотря на обширную и небезосновательную критику²⁴, либертарианская концепция представляет, по моему мнению, безусловный интерес для скандинависта – и как «взгляд со стороны» на целый ряд существующих научных проблем, и, безусловно, как опыт применения немарксистской экономической методологии.

Автор выражает благодарность кандидату юридических наук Андрюценко Е. С. за помощь в вопросах юридической терминологии.

Примечания

- ¹ *Pombarд М. К* новой свободе. Либертарианский манифест. М., 2009. С. 398.
- ² До 1940-х гг. термин не употреблялся, пока Леонард Рид не назвал себя «либертарианцем» в противовес американским левым «либералам», сторонникам личной свободы в сочетании с госрегулированием в духе «нового курса».
- ³ *Veblen T. B.* An Inquiry of the Nature of Peace and the Terms of Its Perpetuation. URL: https://www.brocku.ca/MeadProject/Veblen/Veblen_1917/Veblen_1917_01.html (дата обращения: 18.04.2014).
- ⁴ Позиция Веблена в этом вопросе как раз отличается от либертарианской – Веблен полагает причину прекращения существования «свободного государства» Исландии лежащей в самих принципах её устройства, а либертарианцы, напротив, в отказе от этих принципов.
- ⁵ *Friedman D.* Private Creation and Enforcement of Law: A Historical Case. URL: <http://www.daviddfriedman.com/Academic/Iceland/Iceland.html> (дата обращения: 19.04.2014).
- ⁶ Автор этих строк предполагает, что годи были носителями патриархального типа власти со жреческими функциями, исходя из предположения об отсутствии у скандинавов в историческое время организованного жречества.
- ⁷ Аналогичной позиции придерживается Дж. Л. Байок: «Крестьяне-хозяева не избирали своего годи непосредственно на выборах, они выбирали одного из числа, зачастую немало, соперничающих годи в четверти. В избранных лидерах свободные хозяева (то есть большинство крестьян) полагались на то, что существенных различий между предводителями и обычными хуторянами в ранней Исландии было немного. Годи сами являлись видными региональными хозяевами-хуторянами, и исландские вожди были тем, что антропологи называют «местными большими людьми». Как лидеры, годи имели дело непосредственно со своими сторонниками, и если они хотели на них опираться, то должны были предоставлять тем свою помощь». *Байок Дж. Л.* Исландский альтинг : заря парламентской демократии. URL: <http://norse.ulver.com/articles/byock/althing.html> (дата обращения: 21.04.2014)

- ⁸ *Thrainn Eggertsson*. *Economic Behaviour and Institutions*. Cambridge, 1990. P. 308.
- ⁹ *Becker G. S., Stigler G. J.* *Law Enforcement, Malfeasance, and Compensation of Enforcers* // *The Journal of Legal Studies*. Vol. 3, № 1 (Jan., 1974). P. 1–18. Chicago, 1974.
- ¹⁰ Обычное убийство (killing), по Фридману, в Исландии было гражданским правонарушением и, как правило, заканчивалось выплатой вергельда – в отличие от «подлого убийства» (murder), где преступник становился легальной целью охоты, будучи объявлен вне закона. Различия между ними лежали в плоскости, скорее, публичной. Законы Гулатинга 1274 г. сообщают о подобном разделении так: «Убийца не должен проходить мимо трех усадеб от того места, где было совершено убийство, не заявив об убийстве, если только там не живут родичи убитого до четвертого колена или ближе, или свояк, или другие родичи убитого, которые, по этим причинам, могут угрожать его жизни. А если он не заявит так об убийстве, тогда у него права убийцы, и лишится имущества и мира». Законы Гулатинга, IV.12. URL: <http://norse.ulver.com/other/landslov/chapter4.html> (дата обращения: 12.03.2014).
- Очень сложно подобрать русские аналоги в данном случае – российская концепция права проводит границу по другим критериям (умысел, отягчающие обстоятельства et cetera).
- ¹¹ Сага о Ньяле, LXXIII. URL: <http://norse.ulver.com/src/isl/njala/ru.html> (дата обращения: 21.04.2014).
- ¹² *Friedman D.* Op. cit.
- ¹³ В данном случае слово «производить» отнюдь не случайно. Либертарианство рассматривает законы как
- некую разновидность товаров и услуг, которые, таким образом, вполне могут производиться.
- ¹⁴ *Friedman D.* Op. cit.
- ¹⁵ *Birgir Runolfsson Solvason*. *Ordered Anarchy, State and Rent-Seeking: The Icelandic Commonwealth, 930–1262*. URL: <https://notendur.hi.is/~bthru/contents.html> (дата обращения: 01.05.2014).
- ¹⁶ Что ещё и не соответствует действительности: Рейган раздул государственный аппарат и увеличил стоимость его содержания.
- ¹⁷ *Diamond J.* *Living on the Moon*. URL: <http://www.nybooks.com/articles/archives/2002/may/23/living-on-the-moon> (дата обращения: 12.03.2014).
- ¹⁸ *Long R. T.* *Privatization, Viking Style: Model or Misfortune?* URL: <http://archive.lewrockwell.com/orig3/long1.html> (дата обращения: 14.10.2013).
- ¹⁹ Дж. Даймонд известен как убеждённый географический детерминист.
- ²⁰ *Long R. T.* Op. cit.
- ²¹ *Whiston T.* *Medieval Iceland and the Absence of Government*. URL: <http://mises.org/daily/1121> (дата обращения: 14.04.2014).
- ²² *Kerekes C. B., Williamson C. D.* *Discovering Law: Hayekian Competition in Medieval Iceland* // *Griffith Law Review*. 2012, Vol. 2, is. 2. P. 432–447.
- ²³ *Хайек Ф. А. фон.* *Право, законодательство и свобода*. М., 2006. С. 357.
- ²⁴ См. напр.: *Mc. Sweeney T. J.* *Law and Fiction in Medieval Iceland: The Story in the Grágás Manuscripts*. URL: http://web.law.columbia.edu/sites/default/files/microsites/gender-sexuality/law_and_fiction_thomas_mcsweeney_abstract.docx. (дата обращения: 1.05.2014).

УДК 94(450.521).05+929[Дати+Кавальканти]

ГРАЖДАНИН И ФЛОРЕНТИЙСКАЯ КОММУНА: ДВЕ ПОЛЯРНЫХ ПОЗИЦИИ В ИСТОРИОПИСАНИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XV ВЕКА

И. А. Краснова

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь
E-mail: gorward_mail.ru

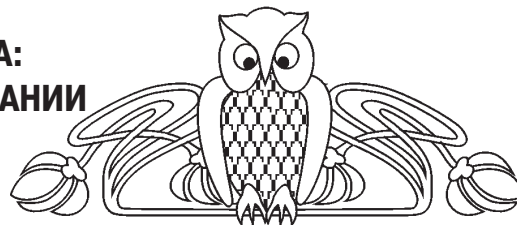
В статье рассматриваются две тенденции историописания Флоренции первой половины XV в.: апологетические хроники на примере «Истории Флоренции» Грегорио Дати и критическое направление в исторических произведениях Джованни Кавальканти. Прослеживается связь особенностей хроникального нарратива с переживанием авторами их социального статуса и личностным началом.

Ключевые слова: исторический нарратив, флорентийская коммуна, апологетические хроники, осуждение отечества.

Citizen and Florentine Commune: Two Polar Positions in Historiography in the First of a Half of the XV Century

I. A. Krasnova

In this article explored two trends of historiography Florence in the first of a half of the XV century: apologetic chronicles on example

of the «History of Florence» Gregorio Dati and critical direction in the historical works of Giovanni Cavalcanti. In work shows relation features of narrative of chronicles with the author's experiences of their social status and personal identity.

Key words: historical narrative, Florentine commune, apologetic chronicles, reprobation of fatherland.

Флорентийцы уже во второй половине XIII в. любили писать историю. Большинство горожан, под пером которых возникали исторические повествования, как правило, не подвергали этот процесс интеллектуальной рефлексии; действуя спонтанно, они почти никогда не озаглавливали свои произведения. *Cronica*, *Cronicetta*, *Diario* (дневник), *Ricordi* (воспоминания, памятные заметки) – названия, данные последующими публикаторами и эрудитами, которые в XVI–XVIII вв. обращались к памятникам «тосканского золотого наречия». Но сами авторы часто